

Сборник научных трудов МАДИ (ГТУ)
«Из истории России первой половины XX века»

Москва 2006
УДК 94(520)(470)

Доц. Е.П. Артемьева,
канд. ист. наук, проф. Ю.Е. Савельев

ИМПЕРСКАЯ ЯПОНИЯ ПРОТИВ РОССИИ И СССР.
РАЗГРОМ ЯПОНСКИХ МИЛИТАРИСТОВ В КОНЦЕ ВТОРОЙ
МИРОВОЙ ВОЙНЫ СОВЕТСКИМИ ВОЙСКАМИ В МАНЬЧЖУРИИ И
НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ В АВГУСТЕ 1945 ГОДА

На протяжении многих веков между Японией и Россией не проходило никаких пограничных линий. Слишком далеко они были удалены друг от друга. Только в конце XVIII в. геополитические устремления этих стран приводят к тому, что они становятся соседями. Свои пределы Япония, очень долго находившаяся в состоянии самоизоляции, решила расширять за счет ближайших соседей – Кореи, Китая, России и колониальных владений европейских стран и США.

На процесс освоения новых земель восточными славянами оказывали влияние реальности географического характера. Перманентное из века в век выдвижение воинственных кочевников из глубин Азии происходило по южной линии обширного степного пояса, протянувшегося с востока на запад через Монголию, Алтай, Казахстан, Прикаспий, Причерноморье к Дунаю. Это обстоятельство препятствовало русским продвигаться в южном направлении.

Для них оставалось только северо-восточное направление – самое трудное по природно-климатическим условиям. В результате распада созданной Чингисханом Монгольской империи перед русскими стали открываться возможности перехода географической границы между Европой и Азией.

Это было осуществлено в 80-е гг. XVI века в конце правления московского царя Ивана IV (Грозного). Русские купцы и промышленники Строгановы получили разрешение от царя

выдвинуть форпосты за Урал для защиты своих владений от грабительских набегов властителей Сибирского ханства.

Созданный для этой цели отряд русских казаков под предводительством атамана Ермака направился по речному маршруту Чусовая – Серебрянка – Тагил – Тура – Тобол [1]. Произошло несколько вооруженных столкновений, в результате которых ханская власть оказалась основательно подорванной.

Сибирское ханство занимало только некоторую часть Западной Сибири. Его границы на севере и востоке не были четко выраженнымми. Еще в 1555 г. один из ханов (Едигер) стал признавать свою вассальную зависимость от Москвы [2]. Местечко Сибир (позже Кашлык) было выбрано ханской ставкой. Впоследствии название распространилось на все ханство [3]. А вслед за этим Сибирью стали называть обширные территории, расположенные к востоку и северу от этого места, на пути к Дальнему Востоку.

Движение дальше на восток и северо-восток было продолжено целой плеядой первопроходцев и первооткрывателей, приступивших к исследованию и описанию отдаленных мест Восточной и Северной Азии. На географической карте Сибири и Дальнего Востока закреплены многие имена этих выдающихся людей. Море Лаптевых и мыс Дежнева, остров Врангеля и Берингов пролив, залив Шелехова и город Шелехов, Берингово море и кряж Прончищева, станция Ерофея Павлович и город Хабаровск.

Русские прокладывали морские, речные и сухопутные пути в сложнейших климатическо-природных условиях на огромных просторах северо-восточной части азиатского континента. Россия постепенно выходила к берегам Тихого океана, посильно осваивая новые территории. Это было очень трудным делом.

Находившийся южнее Китай «предпочитал укрываться за великой китайской стеной». Китайцы не стремились заселять холодные северные земли с их крайне ограниченными сельскохозяйственными возможностями. И действительно, эта

территория зимой засыпалась снегами, а ее воды покрывались льдами. Местами они промерзали до дна. Весна и осень были слишком прохладными. И лето здесь было иным.

Кроме того, выяснилось наличие еще такого явления, как вечная мерзлота. Она присутствовала на очень обширных территориях Сибири и Дальнего Востока. Оказалось, что вечная мерзлота может проникать на глубину не только десятков, но и несколько сот метров.

Известно, что Россия все время вела поиски выхода к морю, морским торговым путям. Она находилась из века в век в какой-то природной изоляции от выходов к мировому океану. Это очень устраивало западные державы, особенно Великобританию. Англичане всеми силами стремились не допускать Россию к мировым морским путям. Попытки России приблизиться к ним пресекались. На этот счет имеется достаточно много примеров.

На один из них обращает внимание А.И. Уткин в своей книге «Русско-японская война. В начале всех бед». Он сообщает, что русские мореплаватели обратили внимание на находившийся посередине Цусимского пролива остров Цусима. В 1861 г. морская пехота России овладела этим островом. Однако «насторожившиеся англичане немедленно послали в этот регион военную эскадру – шесть лет спустя после окончания Крымской войны Лондон снова выступил грозным оппонентом Петербурга на пути к незамерзающим морям. Под давлением ведущей державы Запада Россия была вынуждена уступить. Расположенная рядом Япония внимала уроку борьбы со стремящимся к южным морям русскими. Видя успех англичан, японцы начинают оспаривать принадлежность к России острова Сахалин» [4].

Под влиянием антикитайской политики ведущих стран Запада и антирусской заостренности внешнеполитической деятельности Великобритании и Соединенных Штатов Америки в японских правящих кругах в последние десятилетия XIX в. вызревает намерение изменить в свою пользу антикитайские и антирусские

тенденции, сложившиеся во внешнеполитической деятельности Великобритании, Германии и США.

Именно на этой почве была подготовлена японо-китайская война 1894 – 1895 гг. и захвачен остров Тайвань, архипелаг Пэнхулемдао и создана Японская империя.

Успешная внешнеполитическая агрессия поощрила японцев на проведение последующей еще более масштабной агрессии. На этот раз японские агрессоры задумали осуществить вытеснение России с Дальнего Востока. Началась интенсивная дипломатическая, экономическая, военная подготовка к войне против России.

Японские военные «хотели, чтобы Россия была выброшена из Маньчжурии, а Корея находилась под господством Японии» [5]. К этому стремились и в японском правительстве (Т. Кацура и Д. Комура).

А в Лондоне желали руками Японии заморозить любое продвижение России на Дальнем Востоке и вообще в Восточной Азии. В Германии, особенно после заключения франко-русского союза, еще больше были заинтересованы в отвлечении России от европейских дел войной на Дальнем Востоке [6]. Англо-японский союзный договор был заключен 30.01.1902 г. и просуществовал до 13.12.1921 г. Этот договор стал детонатором русско-японской войны. Фактически японцам был выдан карт-бланш для нападения на Россию.

В планы же американцев входило вытеснение России из Маньчжурии. Убедившись, что царское правительство воздерживается от того, чтобы дать возможность американцам закрепиться на подступах к русским дальневосточным владениям, в Вашингтоне переходят «к политике прямого натравливания Японии на Россию» [7].

В Японии были не прочь воспользоваться поддержкой США, при этом замаскировать свои захватнические цели. В середине лета 1903 г. от японцев поступило предложение о переговорах с Россией по дальневосточным проблемам. По японской традиции такого рода

переговоры должны были послужить «дымовой завесой для последних мероприятий японцев в подготовке нападения и в осуществлении этого нападения внезапным и вероломным образом» [8]. Независимо от того, на какие уступки была готова пойти Россия, Япония могла выдвинуть свой контр-аргумент о «непримиримости» России и о «невозможности» договориться с Россией. Такого рода прием предназначался для внутрироссийского ослабления – одурачивания всякого рода оппозиционеров и тех, кто был склонен ко всякого рода иллюзиям. Вся эта «дипломатическая инсценировка готовности к соглашению была организована японцами в расчете развязать войну под предлогом затяжки дипломатических переговоров противной стороной» [9].

Президент США Теодор Рузвельт уже накануне «решительно обещал Японии, что в случае, если в русско-японское столкновение на стороне России будут вовлечены Франция или Германия, Япония получит помощь от США» [10].

По замыслам японцев удачным исходом военного нападения Японии на Россию должна стать военная и транспортная неподготовленность России на столь удаленном от Центральной России участке Дальнего Востока. Поэтому японцы стремились ускорить начало военных действий. Само же нападение должно было произойти совершенно внезапно с целью нанесения максимального урона военно-морским силам на Дальнем Востоке.

В ночь на 8 февраля (по старому стилю 27 января) 1904 г. японцы без объявления войны нанесли внезапный удар по российским военным кораблям, стоявшим на внешнем рейде Порт-Артура. В ночь нападения на Порт-Артур японцы начали десантные операции на территории Кореи. Сеул – столица Кореи была захвачена японцами. Китай заранее не был проинформирован о начале военных действий Японии в Маньчжурии. Впрочем, от такого стиля внешнеполитических действий японцы не отказывались и в дальнейших событиях всего XX в.

Так как Транссибирская железнодорожная магистраль находилась еще в состоянии незавершенного строительства, переброска русских войск на дальневосточный театр военных действий происходила со значительными затруднениями. Япония же находилась буквально совсем рядом с театром военных действий. Уже к середине марта 1904 г. японцы перебросили морскими судами в Корею около 100 тыс. солдат и офицеров. Большое количество портов Японии обслуживалось многочисленными мореходными плавсредствами, преодолевавшими короткие расстояния, отделявшие Японские острова от Корейского полуострова.

Ход военных действий для русских войск в военной кампании 1904 – 1905 гг. был неудачен. Японцы захватили незащищенный порт Дальний, гарнизон крепости Порт-Артур был изолирован от русской армии в Маньчжурии. Главнокомандующий российскими войсками в Маньчжурии генерал Куропаткин А.Н. отличался нерешительностью и медлительностью. Начальник Квантунского укрепрайона генерал Стессель А.М. проявил себя бездарным военачальником. Сдал японцам Порт-Артур, когда оборонительные возможности крепости еще не были исчерпаны.

Хотя численность русских войск в Маньчжурии постепенно возрастала, их командование сдавало японцам одну позицию за другой. Русские войска отошли к Ляояну, а затем, оставив Ляоян, к реке Шахэ. Далее японцам был сдан Мукден. Следовавшие одно за другим отступления существенно ослабляли боевой дух русских войск.

Позорное поражение русских военно-морских сил в мае 1905 г. в двухдневном сражении у острова Цусима в Цусимском проливе обозначило завершение русско-японской войны в пользу Японии. Мирные переговоры между Японией и Россией велись в американском городе Портсмуте. Они начались 6 августа 1905 г. и завершились 5 сентября 1905 г. На этих переговорах США все время поддерживали японскую сторону, надеясь таким образом

получить господствующие позиции для себя в Китае и Маньчжурии. В Корее признавались преобладающими японские интересы. Японии были уступлены российские права на аренду полуострова Квантун с военно-морской базой Порт-Артуром и портово-торговым городом Дальний. Без оплаты Японии была уступлена ЮМЖД со всем имуществом. Россия оплатила расходы на содержание своих военнопленных в японском плену.

Русско-японская война 1904 – 1905 гг. вызвала немалые жертвы с обеих сторон. В этой войне погибло только убитыми 81 тыс. военнослужащих, а включая умерших от ран 99 тыс. человек [11]. На суше общие потери японской стороны превышали русские вдвое, а на море японские потери были втрое ниже российских [12]. Российские потери на флоте превышали 6 тыс. чел., а японские потери определялись почти в 2 тыс. чел.

Русско-японская война 1904 – 1905 гг. определенно явилась логичным продолжением недавней японской агрессии против Китая. Так одна война породила другую.

В свою очередь, и русско-японская война 1904 – 1905 гг. имела «историческое продолжение» [13]. В годы иностранной военной интервенции и гражданской войны Россия подверглась продолжительной японской агрессии (1918 – 1922 гг.), которая охватила российские территории на Дальнем Востоке и в Сибири. А несколько позже последовала продолжительная антикитайская японская агрессия.

Японские внешнеполитические маневрирования в своеобразных условиях Версальско-Вашингтонской системы того времени в конце концов привели к тому, что в ночь с 18 по 19 сентября 1931 г. началось вторжение японских войск в Маньчжурию.

Этому предшествовала очень шумная, организованная японцами, провокационная кампания с требованиями «раз и навсегда разрешить весь комплекс китайских вопросов» [14].

На Токийском процессе военных преступников (1946 – 1948 гг.) японский генерал Миаке заявил: «План операций, которые должны

были привести к оккупации Маньчжурии, являлся одной из важнейших составных частей общего плана операций японских войск против СССР» [15].

Так начиналось формирование опасного очага второй мировой войны на Дальнем Востоке.

Еще в период подготовки к проведению Антантою военной интервенции против Советской России на специальной конференции в декабре 1917 г. «зоной действий» для США и Японии были определены российский Дальний Восток и Сибирь [16]. Главным организатором интервенции в этом месте определялись США [17]. Опираясь на заключенное 2 ноября 1917 г. американо-японское «Соглашение Лансинг – Иси», согласно которому признавались «особые интересы Японии в Китае», американцы намеревались использовать Японию в качестве своей ударной силы. Япония же, в свою очередь, надеялась воспользоваться этим соглашением для оправдания захвата всего Дальнего Востока. В 1918 г. враги России перешли к открытой военной интервенции, а затем и к беззастенчивому грабежу. В США была даже создана специальная комиссия по эксплуатации богатств Дальнего Востока [18]. За океан один за другим отправлялись суда с награбленным добром.

Интервенты также воспользовались «золотым запасом РСФСР, захваченным Колчаком, который в обеспечение поставок и займов передал американцам 2118, англичанам 2883, французам 1225, японцам 2672 пудов золота в слитках» [19]. Немало золота было награблено интервентами в городах, поселках и деревнях у местного населения [20]. Интервенты ввели на Дальнем Востоке режим террора. Повсеместно устраивали карательные экспедиции. Они стремились уничтожить всех сопротивляющихся. Население Хабаровска сократилось с 52 тыс. до 30 тыс., а население Забайкалья к 1920 г. по сравнению с 1915 г. – на 30,8% [21].

Началом нового этапа японской военной интервенции на Дальнем Востоке явилось подготовленное санкции США, Англии,

Франции вооруженное выступление японских войск в ночь на 5 апреля 1920 г. во Владивостоке, Никольске-Уссурийском, Хабаровске, Шкотове, Спасске, совершенное под предлогом ликвидации угрозы со стороны русских [22]. Это выступление сопровождалось массовыми кровавыми преступлениями интервентов против гражданского русского населения. Военные действия развернулись на Дальнем Востоке с новой силой. Они продолжались до конца 1922 г. Японские оккупанты вынуждены были покинуть Южное Приморье в 1922 г., а Северный Сахалин только в 1925 г. [23].

Тем не менее желательного успокоения на наших дальневосточных границах не произошло. Напряженность сохранялась и даже нарастала. Это находило отражение в переписке между заместителем наркома иностранных дел СССР Г.Я. Сокольниковым и полпредом СССР в Токио К.К. Юреневым. В октябре 1933 г. Г.Я. Сокольников пишет К.К. Юреневу: «Мы, конечно, не ищем ссоры с Японией, наоборот, всячески заинтересованы в том, чтобы сохранить мирные отношения и договориться по спорным вопросам. Однако, видимо, японская военная партия ориентируется все более и более определенно на перспективу превентивной войны против Советского Союза» [24].

У японского военно-политического руководства с течением времени все более усиливалась эйфория от их успехов при подготовке и проведении японо-китайской войны 1894 – 1895 гг. и русско-японской войны 1904 – 1905 гг. В годы первой мировой войны Япония задаром приобрела в Тихом океане три обширных архипелага (Марианские, Каролинские, Маршалловы острова). Удачи в японо-китайской войне 1894 – 1895 гг., в русско-японской войне 1904 – 1905 гг., покровительственное отношение англо-американцев к антирусской внешней политике Японии укрепляло у японцев чувство вседозволенности и безнаказанности. Внешняя политика Японии и ее «дипломатия тигра» сплелись в одной милитаристской упряжке [25].

Еще в 1905 г. в результате неудачной русско-японской войны 1904 – 1905 гг. Япония заполучила контроль за Южно-Маньчжурской железной дорогой (ЮМЖД). А в 1935 г. ввиду непрекращавшегося японского давления на СССР японцам была уступлена Китайско-Восточная железная дорога (КВЖД). Обе эти железнодорожные магистрали были спроектированы и построены русскими как раз накануне русско-японской войны 1904 – 1905 гг. Они стали основой маньчжурской железнодорожной сети. Овладение ЮМЖД и КВЖД не уменьшило, а только еще больше увеличило экспансионистские аппетиты Японии.

Англо-американские политики поощрительно относились к японским экспансионистским устремлениям. Видный английский политический деятель лорд Д. Ллойд в свое время дал этому явлению нижеследующую оценку: «Чтобы отвлечь от нас (англичан) Японию и Германию и держать СССР под постоянной угрозой... мы предоставим Японии свободу действий против СССР. Пусть она расширит корейско-маньчжурсскую границу вплоть до Ледовитого океана и присоединит к себе дальневосточную часть Сибири... Мы откроем Германии дорогу на Восток и тем обеспечим столь необходимую ей возможность экспансии» [26].

Вслед за оккупацией Маньчжурии японское вторжение следует в китайские провинции Жэхэ, Чахар, Хэбэй. Япония, не объявляя официально войны, переходит к полномасштабной войне против Китая. После провокационного инцидента у моста Лугоуцзяо японские войска вторгаются в Центральный Китай. Японские вооруженные силы устраивают во многих населенных пунктах массовые кровавые расправы с гражданским китайским населением. По первоначальным планам японцы отводили на покорение Китая всего около 150 дней [27].

Военной оккупацией Маньчжурии в 1931 г. и военным вторжением в последующие годы Япония, избегая официального объявления военных действий против Китая, фактически первой развязывает вторую мировую войну. Но покорить Китай за 150 дней

Японии никак не удается. Японо-китайская война затягивается более чем на десятилетие. Японская военная агрессия «обходится Китаю в 25–30 миллионов человеческих жизней» [28].

Японцы действовали по принципу «никаких правил», «никаких запретов». По вине западных стран и прежде всего держав-лидеров Англии, США, Франции складывалась сложная дипломатическая обстановка. Она определялась внешней политикой, которая в Европе была обозначена как «мюнхенская».

Основное содержание такой политики заключалось в том, что она была направлена против России. Предполагался захват японцами российской территории и разгром русского народа. Видный американский журналист того времени Эдгар Сноу опубликовал в американском журнале «Азия» аналитическую статью под броским заглавием «Япония у ворот красной Монголии». В статье писалось: «Японские стратеги полагают, что Маньчжурия и Монголия составляют одно целое и что захват Маньчжурии есть лишь осуществление первого пункта японской северо-восточной программы» [29]. Нападение на МНР «рассматривалось японскими империалистами как пролог к большой континентальной войне» [30]. «По мнению японских стратегов, отмечал Эдгар Сноу, захват Монголии, граничащей с байкальскими районами Сибири, дал бы Японии большие преимущества в будущей войне против СССР, позволяя Японии наносить быстрые удары на восток и запад от Иркутска и давая ей возможность отрезать советскую дальневосточную армию. Руководители японской армии не рассматривают значение Монголии изолированно от основных целей японской стратегии. Задача японских стратегов – окружение советских границ на Дальнем Востоке» [31].

С воцарением японских оккупантов в Маньчжурии обстановка на весьма протяженной советско-маньчжурская границе стала в высшей степени беспокойной. Нарушения границы японцами были обыденным явлением. В таких тревожных условиях советская сторона вынуждена была принимать посильные оборонительные

меры. СССР приступил к оборонительному строительству. Прежде всего работа проводилась там, где после лихолетья продолжительной иностранной военной интервенции и гражданской войны государственная граница находилась в крайне плачевном состоянии.

Медленно, шаг за шагом, стал увеличиваться численный состав советских войск на Дальнем Востоке, хотя и не повсеместно. Это были первые шаги на пути борьбы за безопасность советских дальневосточных границ. Справедливо замечание японского военного историка А. Фудзивара об этом времени: «Поскольку оккупация Маньчжурии была предпринята исходя из стратегии войны против СССР, необходимость увеличения войск возникла не для Японии, наоборот, для Советского Союза» [32].

За период с 1935 по 1937 гг. включительно в японских источниках упоминается 506 инцидентов пограничного характера, направленных против СССР [33].

Не имея возможности создавать оборонительные сооружения на всех участках советско-маньчжурской границы, советская сторона приступила к выборочному инженерному оборудованию незащищенных ничем отдельных мест советско-маньчжурской границы. Одним из таких участков оказались высоты Заозерная и Безымянная, расположенные несколько к западу от озера Хасан.

В оперативном управлении японского генштаба возник замысел разведать реальные возможности советских войск, расположенных на владивостокском направлении. Кроме того, японцы решили проверить информацию о состоянии советских войск, которую они получили от далеко не простого перебежчика, бывшего до 13 июня 1938 г. начальником управления НКВД по Дальневосточному краю, комиссара 3-го ранга Люшкова [34].

При этом японские провокаторы учитывали, что выбранное ими место очень удобно для японской стороны и крайне неудобно для советской. С советской стороны к этим высотам вела единственная грунтовая дорога, находившаяся в крайне

запущенном состоянии на протяжении более 150 км. Зато с японской стороны имелась действующая японско-корейская железная дорога всего на расстоянии около 6 км от вышеупомянутых высот. Японские генштабисты предполагали: «Провести бои, но при этом не расширять сверх необходимости масштабы военных действий. Исключить применение авиации» [35]. Было решено «проводить разведку боем, не останавливаясь перед жертвами в 19-й дивизии» [36].

Советская сторона должна была предпринять срочные ответные действия, ибо японцы на захваченных сопках приступили к оборудованию своих инженерных сооружений. Особенности местности и путей к вершинам сопок препятствовали направлению достаточного количества советских войск на место пограничного столкновения. Ожесточенность сражения с каждым новым днем возрастала. 6 августа 1938 г. советские войска перешли в общее наступление. Постепенно японские войска вытеснялись с захваченной ими территории.

Начальник штаба 19-й японской дивизии 10 августа 1938 г. телеграфировал начальнику штаба корейской армии об усложнении обстановки в районе боевых действий. Он сделал предложение о необходимости «принять меры по разрешению конфликта дипломатическим путем» [37]. По указанию из Токио японский посол в Москве Сигэмицу появился в НКИД СССР с предложением о прекращении военных действий. В полдень 11 августа 1938 г. военные действия японских войск были прекращены.

Так, в районе озера Хасан Красная армия впервые после периода иностранной военной интервенции и гражданской войны (1918 – 1922 гг.) вступила в серьезную схватку с кадровой армией крупного милитаристского государства, имевшего в своем распоряжении хорошо подготовленные воинские части. Бои были напряженными. По данным, опубликованным в японской книге «Официальная история войны в великой Восточной Азии», было убито и ранено 1440 военнослужащих, или 21,1% от числа

принимавших непосредственное участие в боях 6914 чел. По сведениям отечественных источников, воинские потери Дальневосточной армии составили 4041 чел., в том числе 792 чел. убитыми [38].

Стремление советской стороны не допускать расширения военных действий было расценено в Японии как прирожденная слабость России и ее военно-политического руководства. В Квантунской армии стали разрабатывать новый план, который с помощью сильного удара сразу разрешил бы японцам несколько их экспансионистских замыслов. При этом в среде японских штабных и командных офицеров и генералов господствовали представления о «слабости в управлении советскими войсками», «плохой организации обороны» и многое другое, почертнутое из опыта русско-японской войны 1904 – 1905 гг. [39]. Все отрицательное рассматривалось «как свойства русской армии вообще», а отсутствие передовой, военной техники – «как отсталость советских войск» [40].

Японские агрессоры, затеявшие еще в 1931 г. войну с Китаем, стали переходить к планированию военных действий против СССР во все более крупных масштабах. Японцы стали тщательно выбирать место для своей крупномасштабной агрессии. Японские штабисты-аналитики посчитали, что этим местом может стать район на стыке границ Маньчжурии, Монголии и СССР, подальше удаленный от Транссибирской железнодорожной магистрали. По мнению японских аналитиков-проектантов, Советскому Союзу для ведения военных действий в таком районе потребовалось бы «затратить усилий в 10 раз больше, чем японской армии» [41]. Таким районом было признано место реки Халхин-Гол и озера Буир-Нур. Это дикое, пустынное и малонаселенное место было удалено от Транссиба на расстояние 650 км. А со стороны Маньчжурии у японцев подходила единственная и тупиковая железнодорожная ветка к тыловым позициям японских войск.

Японцы затеяли крупномасштабную военную операцию с далекоидущими стратегическими замыслами многосторонней экспансии. Прежде всего требовалось восстановить авторитет японской императорской армии, которая завязла в войне против Китая. Ставилась цель вынудить Советский Союз отказаться от любой помощи Китаю или, по крайней мере, ослабить ее до самого минимального размера. Само нападение на Монголию и захват хотя бы части ее территории должны были напугать азиатские народы и показать им, что их надежды на поддержку Советским Союзом ошибочны. Японская военная акция должна была убедить Германию и Италию в силе и надежности японской императорской армии. В Токио тайно очень надеялись, что японская победа в развязываемой Квантунской армией войне против СССР и Монголии выдаст Токио дополнительные козырные карты во многоступенчатой дипломатической игре с Лондоном и Вашингтоном.

Итак, Япония решилась напасть на Монголию без объявления войны под наглым предлогом «исправления пограничной линии». Военные действия в районе реки Халхин-Гол японцы развернули еще в мае 1939 г. Затем они стали наращивать свои силы на суше и все больше и больше привлекать авиацию. Первоначально японские войска имели некоторый успех как на суше, так и в воздушном пространстве. Становилось все более очевидным, что с советской стороны нужны немедленные и решительные меры по пресечению японской агрессии против СССР и МНР.

В связи с возникшей на Халхин-Голе опасной ситуацией народным комиссаром иностранных дел СССР В.М. Молотовым было сделано специальное заявление, в котором подчеркивалось, что «по существующему между СССР и Монгольской Народной Республикой договору о взаимопомощи мы считаем своей обязанностью оказывать Монгольской Народной Республике должную помощь в охране ее границ» [42].

Стали приниматься решительные меры по усилению советских войск в Монголии. Была увеличена численность советской авиации в Монголии. Направлены группы опытнейших советских летчиков, «прошедших боевую школу в небе Испании и Китая» [43]. Среди них было 22 Героя Советского Союза. Произошло усиление танковых частей. Решено было усилить и непосредственное командование сосредоточенными в районе пограничного конфликта советскими войсками.

Выбор пал на заместителя командующего Белорусским особым военным округом комдива Георгия Константиновича Жукова, будущего прославленного советского полководца в годы Великой Отечественной войны 1941 – 1945 гг. Было создано объединенное советско-монгольское командование. Монгольскую народно-революционную армию там представлял Маршал МНР Хорлогийн Чойбалсан.

Г.К. Жуков, ознакомившись с реальной обстановкой на месте, предложил свой план боевых действий: ведения активной обороны и срочной подготовки сильного контрудара.

Специальным приказом Г.К. Жуков был назначен комкором 57-го особого корпуса. Решительные меры, принятые комкором Г.К. Жуковым, оказались чрезвычайно своевременными, ибо к месту военных действий японцы подтянули новые значительные подкрепления. Японская авиация усилила активные действия против советско-монгольских войск.

По мере появления новых воинских подкреплений нарастала ожесточенность боев как на земле, так и в воздухе. Модernизированные советские истребители (И-16, «Чайка») в воздушном бою 22 июня 1939 г. сбили 31 самолет противника, потеряв при этом почти втрое меньше – 12 аэропланов [44]. Бой получил огромный отзвук в Японии. Дело в том, что возглавлял японцев в этом бою известный японский воздушный ас Фукуда Такео, чье имя не сходило со страниц мировой прессы во время военных действий в Китае. Он был сбит в первые же минуты боя.

Такое выбросился из горящего самолета на парашюте, приземлился на монгольской территории и был взят в плен. Сбивший его советский лейтенант В.Г. Ряхов стал впоследствии Героем Советского Союза. В небе под Халхин-Голом он сбил 8 японских самолетов лично и еще 6 в группе [45].

В ночь со 2-го на 3-е июля 1939 г. японцы форсировали реку Халхин-Гол и захватили на западном ее берегу гору Баян-Цаган. Эта местность стала ареной ожесточенных боев. Для оборонывшихся здесь монгольских и советских войск стала складываться критическая ситуация. Но Г.К. Жуков, не давая противнику времени на организацию дальнейших наступательных действий, поспешил на выручку оборонывшихся советско-монгольских войск. Он немедленно ввел в бой, не дожидаясь подхода стрелкового полка сопровождения, прямо с марша 11-ю танковую бригаду комбрига М.П. Яковleva. Решительная атака танковой бригады была поддержана монгольским бронедивизионом.

Стремительный натиск танкистов, поддержанный огнем всей имеющейся артиллерии, ударами с воздуха советской авиации, ошеломил противника. В определенные моменты над горой Баян-Цаган находилось до 300 самолетов воюющих сторон [46]. Вскоре танкистов поддержали батальоны 24-го мотострелкового полка и 7-й мотоброневой бригады. Трехсуточные бои за обладание горой Баян-Цаган были бескомпромиссно ожесточенными. С обеих сторон в них участвовало до 400 танков и бронемашин, более 800 артиллерийских орудий, сотни боевых самолетов [47].

В результате неординарных и рискованных боевых решений военачальника Г.К. Жукова японские войска у горы Баян-Цаган были разгромлены. На склонах горы погибло более 10 тыс. неприятельских солдат и офицеров [48].

Предпринятые японскими захватчиками 8–11, 24–25 июля новые яростные попытки вернуть утраченные позиции не принесли им успеха. Военный конфликт на Халхин-Голе принимал все большие масштабы. В район боевых действий стягивались еще

более значительные силы. 10 августа 1939 г. японские силы у Халхин-Гола были сведены в 6-ю армию (командующий генерал О. Риппо), численность которой возросла до 75 тыс. человек [49]. Японское командование подготавливало новое, еще более мощное наступление.

Советско-монгольские войска, в свою очередь, были сведены в 1-ю армейскую группу (командующий комкор Г.К. Жуков). Они насчитывали 57 тыс. человек. Им были приданы 542 орудия и миномета, 498 танков, 385 бронемашин, 515 боевых самолетов [50]. Монгольские войска возглавил маршал МНР Х. Чайбалсан. Замысел советско-монгольского командования состоял в том, чтобы, сковав японские силы с фронта, ударами по флангам окружить вражескую группировку и уничтожить ее между Халхин-Голом и госграницей. В связи с этим образовывалось три группировки советско-монгольских войск: южная, северная, Центральная, плюс резерв.

20 августа советско-монгольские войска, упредив противника, перешли в решительное наступление. К 27 августа советско-монгольские войска расчленили окруженных японцев на две части. Затем была уничтожена южная часть, а к 31 августа и северная часть японской группировки. Территория МНР была освобождена от японских захватчиков.

Но японцы никак не хотели смириться со своим поражением. 4–8 сентября силами новой 2-й пехотной дивизии они пытались проникнуть на территорию МНР. Но, понеся большие потери, были вышвырнуты за пределы государственной границы. Воздушные бои, на которые 2, 4, 14, 15 сентября 1939 г. рискнули пойти японцы, оказались для них безуспешными. Тогда 16 сентября 1939 г. японское правительство обратилось к советскому правительству с просьбой о перемирии.

За время военных действий в районе Халхин-Гола япономаньчжурские войска потеряли 61 тыс. человек убитыми и ранеными, большое количество оружия и военной техники, в том

числе 660 самолетов [51]. Потери советско-монгольских войск составили свыше 18,5 тыс. человек убитыми и ранеными [52]. Количество пленных ввиду крайней ожесточенности и непримиримости сражавшихся сторон было крайне незначительно.

Поражение в районе Номон-Хана (такое название применяли японцы по отношению к Халхин-Голу) в Японии было воспринято весьма болезненно. До сих пор оно упорно замалчивается, и его продолжают всячески искажать.

Для Токио неожиданными стали заключение советско-германского пакта о ненападении в августе 1939 г. и последующее развитие событий в Европе. Несмотря на многие соблазны, Япония вынуждена была вести себя во время Великой Отечественной войны по отношению к СССР и МНР более осторожно, чем ей хотелось.

Когда милитаристская Япония, нацистская Германия, фашистская Италия, взглагляя так называемый Антикоминтерновский пакт, действовали на международной арене сообща, они в свои действия пытались внести корыстный интерес. 5 марта 1941 г. Гитлер издал директиву № 24 о сотрудничестве с Японией, в которой была заложена цель: как можно скорее вовлечь Японию в войну против Великобритании и таким образом связать значительные английские силы на Тихом океане. В результате и американцы должны будут перенести свое внимание на Дальний Восток, воздерживаясь от активного участия в войне в Европе. Япония, однако, должна избегать войны с США. Директивой запрещалось сообщать японцам о существовании плана войны Германии против СССР «Барбаросса» [53].

В Берлине Япония рассматривалась все же как младший партнер Третьего рейха. Еще 22 августа 1939 г. накануне подписания германо-советского договора о ненападении фюрер в загородной резиденции среди своих приближенных генералов выразился следующим образом: «Император (Японии) сродни русским царям. Слабый, трусливый, нерешительный, его легко

может смести революция... ...Нам следует видеть в себе хозяев и относиться к этим людям в лучшем случае как лакированным полуобезьянам, которые должны знать кнут» [54].

Министр иностранных дел нацистской Германии Риббентроп в разговоре с министром иностранных дел Японии Мацуока внушал своему собеседнику: «В случае, если Советский Союз выступит против Японии, Германия незамедлительно нанесет удар против СССР. Мы обещаем это. Поэтому Япония может, не опасаясь войны с Советским Союзом, двигаться на юг, на Сингапур» [55]. Не упоминая и не раскрывая плана «Барбаросса», Риббентроп все же счел нужным сказать: «В настоящее время мы сможем сокрушить Советский Союз в течение трех-четырех месяцев... Я полагаю, что после разгрома Советский Союз развалится. Если Япония попытается захватить Сингапур, ей не придется больше беспокоиться о севере» [56].

Мацуоку к нападению на Сингапур склонял и сам Гитлер. Он заявил ему: «Никогда в человеческом воображении для нации не представится более благоприятной возможности. Такой момент никогда не повторится. Это уникальная в истории ситуация» [57]. Относительно советско-германских отношений фюрер ограничился сообщением, что германский рейх имеет свыше 160 дивизий, сконцентрированных на советских границах [58].

Немцы, таким образом, воздержались откровенно заявить японцам, что нападение на Восток уже принято ими окончательно и бесповоротно. О причинах такойдержанности немцев в данном случае «можно только догадываться» [59].

Заключение пактов о ненападении с СССР со стороны Германии и о нейтралитете с СССР со стороны Японии имело в какой-то мере вынужденный аспект. Они использовались как некое прикрытие при подготовке нападения на СССР нацистской Германией и самурайской Японии. Целеустремленный саботаж в отношении организации коллективной безопасности со стороны Великобритании, США, Франции своим острием был направлен

против ненавистной им России в лице Советского Союза и его населения. Советскому Союзу не хватило времени подготовиться к отражению нависшей над ним смертельной угрозы. Удалось освоить только два пятилетних плана развития народного хозяйства и частично задания третьей пятилетки. Чудовищный ураган всеобъемлющей войны, которой еще не знала история человечества, обрушился на нашу страну 22 июня 1941 года. Началась Великая Отечественная война 1941 – 1945 гг.

Военные круги в Японии как в армии, так и на флоте не придавали пакту о нейтралитете особого значения.

В «Секретном дневнике войны» японского генерального штаба армии от 14 апреля 1941 г. была сделана следующая запись: «Значение данного договора состоит не в обеспечении вооруженного выступления на юге. Не является договор и средством избежать войны с США. Он лишь дает дополнительное время для принятия самостоятельного решения о начале войны против Советов» [60]. Еще яснее определил это Тодзио (Тодзё) Хидэки (в 1938 – 1939 гг. заместитель военного министра, с января 1939 г. генеральный директор авиации, а с 22.06.1940 г. военный министр Японии). Он изрёк: «Невзирая на пакт, мы будем активно осуществлять военные приготовления против СССР» [61]. А начальник штаба Квантунской армии, впоследствии военный министр в кабинете Х. Тодзио Кимура Хэйтаро призывал «готовиться к операциям против Советского Союза, которые в решительный момент принесут верную победу Японии» [62]. Другой начальник штаба японской армии в Корее Такахаси заявил журналистам, что «СССР, признавая мощь Японии, заключил с ней пакт о нейтралитете... поэтому новые формирования ни Квантунской, ни Корейской (т.е. японской армии в Корее) армии ослаблены не будут и они со своих позиций не уйдут... Сейчас основной задачей Японии... является завершение китайской войны» [63].

Таким образом «вооруженный нейтралитет» Японии отнюдь не гарантировал безопасность СССР на Дальнем Востоке» [64]. Советскому Союзу пришлось держать там солидные контингенты советских вооруженных сил. Даже в самое критическое время начального периода Великой Отечественной войны, вызванной коварным нападением нацистской Германии и ее европейских сателлитов на СССР, приходилось держать несколько десятков дивизий на Дальнем Востоке, на границе с Маньчжурией.

Сохраняя нетронутой Квантунскую армию в Маньчжурии и японскую Корейскую армию в Корее, японское руководство сочло возможным нанести неожиданный удар силами японского военно-морского флота, японской авиации и свободными сухопутными силами по колониальным владениям и зависимым территориям на Тихом океане, в Юго-Восточной Азии, находившимся под контролем США, Великобритании, Франции, Голландии. Так синдром Цусимской победы 1905 г. над царской Россией нашел свое продолжение в разрушительной японской атаке на американскую военно-морскую базу Пёрл-Харбор на Гавайских островах 7 декабря 1941 г., затем в захвате Филиппин и Индонезии, в овладении Сингапуром 12 февраля 1942 г.

У многих на Западе укоренились иллюзии неприосновенности Британской империи и владений Соединенных Штатов Америки. Видимо, эти иллюзии были слишком велики. Считалось, что Япония не планирует близкую войну против них, «но готовится поддержать Германию в ее войне с Россией» [65].

На советских дальневосточных границах практически не прекращались вооруженные столкновения. Только в 1944 г. японцы 144 раза нарушили границу. 39 раз обстреливали советскую территорию. На Тихом океане, в водах, прилегающих к советским берегам, японцы стремились нарушить нормальное судоходство. Задерживали торговые суда, порой их даже топили. Становилось совершенно очевидным, что пока не будет укрупнена милитаристская Япония, все время мечтающая о продолжении

русско-японской войны 1904 – 1905 гг., безопасность советских границ на Дальнем Востоке не будет обеспечена.

5 апреля 1945 г. СССР специальным заявлением уведомил японское правительство о денонсации советско-японского договора о нейтралитете (срок действия которого уже истекал) и невозможности его продления в данных условиях, когда США и Англия являются союзниками по Антигитлеровской коалиции. Еще на Тегеранской конференции глав правительств трех союзных во второй мировой войне держав – СССР, США, Великобритании (28.11.1943 – 1.12.1943) – было дано принципиальное согласие на вступление СССР в войну с Японией «после завершения военных действий в Европе» [66]. Практически все основные вопросы, связанные с вступлением СССР в эту войну, «были согласованы во время встречи Сталина с Рузвельтом 8 февраля 1945 г. в Ливадийском дворце» [67].

Для того чтобы успешно и в кратчайший срок разгромить окопавшихся в Маньчжурии и сопредельных территориях японских агрессоров, требовалось существенно усилить советские войска на Дальнем Востоке. Японцы очень продолжительное время укрепляли здесь свои позиции. Они создали мощную оборонительную систему, располагавшую 8 тысячами долговременных огневых укреплений позиций. Численность японских войск достигла 1 млн. 40 тыс. солдат и офицеров, а с учетом местных формирований превысила 1 млн. 200 тыс. человек [68].

Для сокрушения сильных японских укреплений в Маньчжурии нужны были глубокие проникающие удары. Необходимо было окружить основные силы Квантунской армии, рассечь ее на части и быстро уничтожить. Но 40 дивизий, находившихся на Дальнем Востоке, для этих целей было недостаточно. Советское командование после Крымской конференции начало подготовительную работу. В мае – июле на Дальний Восток стали перебрасываться значительные силы. Всего к началу боевых действий там было сосредоточено 80 дивизий общей численностью

1.500 тыс. человек. Имелось 26 тыс. орудий и минометов, свыше 5.500 танков, более 3800 боевых самолетов [69].

Командующим на Дальнем Востоке был назначен маршал А.М. Василевский. Наряду с передислокацией с запада огромного количества войск, боевой техники, продовольствия и снаряжения велась разносторонняя подготовка к боевым действиям. Ускоренно происходила организация устройства на местах прибывших с запада войск, совершенствование имеющихся дорог, мостов, линий обороны вдоль границы и на побережье. Велось оборудование командных пунктов, укрытие колодцев, землянок и других сооружений.

Только на участке Забайкальского фронта было отремонтировано 1259 км дорог, проложено 269 км колонных путей, заготовлено 170 погонных метров элементов разборных мостов под грузы до 60 т, построено и отремонтировано 1516 шахтных колодцев, 21 скважина и оборудован 61 пункт водоснабжения [70]. В ночь с 8 на 9 августа разразился проливной дождь. Советские войска подошли вплотную к японским укреплениям и сразу же нанесли японцам сокрушительный удар. Это дало возможность быстрыми темпами начать продвижение советских войск. И уже к исходу 1-го дня в ожесточенных боях сопротивление японской армии было надломлено. Советские войска продвинулись в глубь вражеской обороны до 40 км. С 9 по 14 августа войска Забайкальского фронта продвинулись по территории Маньчжурии на 250...400 км [71].

10 августа Монгольская Народная Республика объявила войну Японии. Монгольская армия под командованием маршала Х. Чойбалсана была сосредоточена на монголо-китайской границе. Она организационно входила в состав советско-монгольской конномеханизированной группы под общим командованием генерала И.А. Плиева. Развивая решительное наступление, она успешно продвигалась на калганском и долоннорском направлениях. К 14 августу 1945 г. эта группа сумела разгромить марionеточные войска

внутренней Монголии, ставленника Японии князя Де Вана [72]. Конно-механизированная группа двигалась в направлении Ляодунского залива Желтого моря.

Квантунская армия старалась оказывать сопротивление наступающим советским войскам, но сделать ничего не могла. За шесть дней боев войска 1-го Дальневосточного фронта продвинулись на 120...150 км в глубь Маньчжурии, 2-й Дальневосточный фронт за 6 дней вклинился в оборону противника на 50...200 км. Мощные удары советских войск в Северо-Восточном Китае предопределили успехи Сахалинской, а затем и Курильской операций.

В результате ожесточенных боев Забайкальского и 2-го Дальневосточного фронтов наши войска вышли на рубеж Харбина, Мукдена, практически поставив Квантунскую армию перед полной катастрофой.

14 августа 1945 г. японское правительство приняло решение о капитуляции, о чем было уведомлено правительство СССР, США, Англии и Китая. Но, приняв решение о капитуляции, японское правительство не отдало приказа войскам приостановить военные действия. Войска Японии продолжали сопротивление. Поэтому Советское правительство отдало специальное разъяснение, в одном из пунктов которого говорилось: «Ввиду изложенного, вооруженные силы Советского Союза на Дальнем Востоке будут продолжать свои наступательные операции против Японии» [73].

Маньчурская стратегическая наступательная операция на завершающем этапе второй мировой войны была проведена с 9 августа по 2 сентября 1945 г. Она была совершена войсками Забайкальского, 1-го и 2-го Дальневосточных фронтов и монгольской Народно-революционной армии во взаимодействии с Тихоокеанским флотом и Амурской флотилией. Операция проводилась на фронте протяженностью свыше 5 тыс. км и глубиной 200..800 км на сложном в природном отношении ТВД

(театре военных действий) в пустынно-степной, горной, лесисто-болотистой, таёжной местности с крупными реками.

Командование японской Квантунской армией предусматривало оказать упорное сопротивление в приграничных укрепленных районах на горных перевалах со стороны Монголии, Приамурья и Приморья, а затем в центральной части Маньчжурии. Допускался отход войск к линии железной дороги Тумынь – Чанхунь – Далянь, где предполагалось организовать устойчивую оборону, а затем перейти в контрнаступление с целью восстановления первоначального положения. Но из этого у японцев ничего не получилось.

Стремительное наступление советских войск заставило японское командование отдать приказ о немедленном прекращении военных действий. Квантунская армия потерпела полное фiasco. 19 августа началось массовое разоружение и пленение войск японской армии. 24 августа был опубликован приказ Верховного Главнокомандующего СССР, в котором говорилось, что Квантунская армия прекратила сопротивление и сдалась советским войскам.

К 30 августа капитуляция японских войск была завершена и практически все территории Северо-Восточного Китая, Ляодунского полуострова и Северной Кореи были освобождены от захватчиков. А 1 сентября завершилась капитуляция японских войск на всех островах Курильской гряды.

Окончание второй мировой войны оказалось, таким образом, тесно связанным с сокрушительным ударом советских войск по японской Квантунской армии и проявлением при этом высочайшего мастерства советского военного командования при проведении самой сложнейшей Маньчжурской стратегической наступательной операции в кратчайшие временные сроки. Военная кампания Советских Вооруженных Сил на Дальнем Востоке была осуществлена всего в 24 дня. Она по своему размаху, срокам, результатам стала в один ряд наиболее выдающихся военных кампаний второй мировой войны.

Разгром нацистских полчищ на советско-германском фронте заставил гитлеровскую Германию согласиться на безоговорочную капитуляцию на Западе. А быстрый разгром Квантунской армии в Маньчжурии советскими войсками заставил милитаристскую Японию принять безоговорочную капитуляцию на Востоке. Мир обязан был своим спасением Советскому Союзу, героизму и самопожертвованию советского народа. Благодаря беспримерным усилиям СССР с гитлеровской Германией было покончено к 9 мая 1945 г., а с милитаристской Японией к 2 сентября 1945 г.

В своей книге «Гроза на востоке» известный фронтовик и писатель В.В. Карпов говорит о двух страшных угрозах человечеству, которые возникли в конце второй мировой войны и могли бы оказаться фатальными для нашей планеты. Он, исходя от реальностей того времени, утверждает: «В XX веке все живое на земном шаре могло погибнуть дважды. Первая причина – атомная катастрофа, которая могла последовать после массового применения атомных бомб» [74].

6 и 8 августа 1945 г. США произвели атомную бомбардировку двух японских городов – Хиросима и Нагасаки, т.е. накануне вступления СССР в войну против Японии. У американцев было в распоряжении всего две атомные бомбы. Еще до применения этих бомб главнокомандующий американскими вооруженными силами в Европе генерал Д. Эйзенхаузер высказал свою точку зрения военному министру США Стимсону: «Я сказал ему (Трумэну) о своих тяжких опасениях. Это в первую очередь касалось моей уверенности, что Япония уже потерпела поражение и поэтому применение атомной бомбы не представляло никакой необходимости. Во-вторых, я полагал, что наша страна не должна шокировать мировое общественное мнение использованием атомной бомбы, поскольку это оружие утратило право считаться средством спасения американских жизней» [75].

Многие уже тогда понимали, что эти атомные удары США нацеливали не столько на Японию, сколько на Советский Союз. Это

было развязывание холодной войны. Поджигатели войны не ужаснулись последствиям атомных взрывов. Они стали рассматривать себя владыками мира. Так в атомном угаре у них родился «план Дропшот» – план массированной бомбардировки 200–300 советских городов [76]. В случае осуществления его «могла произойти цепная реакция, сгорела бы атмосфера, погибло все живое на планете Земля» [77].

От этого варварского безумия человечество было спасено советской страной. Советский Союз «достиг паритета в атомном вооружении и лишил тем самым США возможности единолично махать над миром атомной дубиной» [78].

Второе спасение землян от гибели произошло в августе 1945 г., когда была быстро разгромлена самая боеспособная японская Квантунская армия и раскрыта самая секретная японская база по подготовке всеобъемлющей бактериологической войны. Она находилась в Маньчжурии. В 20 км от Харбина были расположены владения Управления по водоснабжению и профилактике частей Квантунской армии. Там находился сверхсекретный отряд 731. Здесь были многочисленные постройки, включая электростанцию, здания учебного центра, многочисленные лаборатории, собственная железнодорожная ветка, аэродром, специальные жилые помещения, конный манеж, лекционный зал, стадион, тюрьма, синтоистский храм и некоторые другие здания. Эта обширная таинственная территория была окружена рвом и забором с колючей проволокой, по которой пропускался ток высокого напряжения. Засекреченный отряд 731 имел свою специальную истребительную авиацию, которой предписывалось «сбивать любой летательный аппарат, даже принадлежащий собственной армии, который без разрешения пролетел бы над территорией отряда» [79].

Кроме этой основной базы под Харбином в центральном районе Харбина – новом городе – на Гиринской улице стояло большое трехэтажное здание – пансионат «Береза» [80]. Это был

секретный пункт связи отряда 731 с внешним миром. Здесь находилось здание в виде большой буквы «П». Оно имело внутренний двор с воротами, через которые въезжали и выезжали грузовики, автобусы и автомашины отряда. Здесь служащие и сотрудники переодевались в гражданскую одежду. По возвращении в отряд они проделывали свои манипуляции с переодеванием в обратном порядке.

Японцы готовились к развязыванию крупномасштабной бактериологической войне. За десятилетие усиленной работы японцы подготовились к ней. Однако этим изуверским планам не было суждено осуществиться. «Вступление Советского Союза в войну против Японии и стремительное продвижение Советской Армии в глубь Маньчжурии, — заявил на суде в Хабаровске попавший в плен командующий Квантунской армии генерал Ямада, — лишило нас возможности применить бактериологическое оружие против СССР и других стран» [81].

Фактически во второй половине 1945 г. Япония в основном подготовилась к бактериологическому нападению. Японцами в Маньчжурии были заготовлены солидные запасы смертельных бактерий и технические средства их доставки. Эффективность смертельных бактерий была проверена на людях различных национальностей.

Бактериологическое оружие планировалось применить в первую очередь в районах Хабаровска, Благовещенска, Уссурийска, Читы. На эти города японцы хотели сбрасывать с самолетов бомбы, начиненные чумными блохами.

Японцы в своих заготовках бактериологического оружия далеко выходили за рамки применения их на каких-то ограниченных территориях. Свидетельство сотрудников отряда 731 гласит: «Готовых к употреблению бактерий в «Отряде 731» хранилось столько, что если бы они были рассеяны по земному шару, этого хватило бы, чтобы уничтожить все человечество» [82].

Практическая подготовка к бактериологической войне началась с создания и расширения бактериологических лабораторий, которые возглавил японский военный бактериолог генерал Сиро Иси. Он еще до этого «занимался разработкой бактериологического оружия в Военно-медицинской академии Японии и прослыл в милитаристских кругах ярым поборником бактериологической войны» [83]. С. Иси в своей преступной деятельности «получил всестороннюю поддержку со стороны стратегического отдела японского генерального штаба» [84]. Одним из инициаторов разработки бактериологического оружия был адъютант японского императора Хирохито генерал Кацумото Маттиири, ставший начальником службы химических вооружений в японской армии [85].

Японские изуверы в военно-медицинских мундирах проводили жесточайшие эксперименты по действию «всех смертоносных бактерий на живых людях». Обвиняемый на суде в Хабаровске генерал медицинской службы Кавасима показал, что материалом для так называемых медицинских экспериментов «являлись заключенные китайские патриоты и русские, которых органы японской контрразведки обрекали на истребление... Если заключенный, несмотря на заражение его смертоносными бактериями, выздоравливал, то это не спасало его от повторных опытов, которые продолжались до тех пор, пока не наступала смерть от заражения... Во всяком случае, живым из этой фабрики смерти никто никогда не выходил» [86].

После окончания второй мировой такие японские военные преступники не оказались на скамье подсудимых и не были наказаны. Они попали под покровительство американской военщины и политических сил им симпатизирующих.

Международный военный трибунал для Дальнего Востока, который проходил в Токио в течение двух лет, разительно отличался от Нюрнбергского процесса над главными гитлеровскими военными преступниками. Он действовал не на основании

международного права, а по решениям американского главнокомандующего генерала Макартура. Члены и председатель трибунала назначались им. Он же назначал и главного обвинителя. Трибунал уже проводился под влиянием разворачивавшейся «холодной войны».

Что касается генерала С. Иси, возглавлявшего пресловутый отряд 731 и контролировавшего соединение 100 зимой 1945 г., то он был привлечен к сотрудничеству американскими спецслужбами. Он «передал им сохранившиеся материалы, а те, в свою очередь, отказались выдать его СССР для привлечения к процессу за военные преступления» [87]. Администрация президента США Трумэна предпочла монополизировать всю документацию, которой обладал С. Иси. Но для чего? В одной из служебных телеграмм государственного департамента США генералу Макартуру довольно откровенно об этом отмечается: «Японский опыт бактериологической войны имеет большую ценность для планов разработки методов бактериологической войны в США» [88].

Все, что связано с минувшей войной, так или иначе находит свое продолжение в послевоенное время. Но в каждой стране это происходит под влиянием своих сложившихся национальных особенностей. В 1960 г. на вершине горы Микэнояма, близ города Нагойя, был установлен символический памятник главным японским военным преступникам, повешенным еще в 1948 г. Этот памятник сопровождают сочувственные надписи. В одной из них говорится, что 11 государств «учредили Международный трибунал для Дальнего Востока, где учинили суд над действиями Японии, потерпевшей поражение в войне» [89]. Никакой вины за войну и характер ее ведения японцами не признается. Отмечаются: применение США атомной бомбы, отказ СССР от продления договора о ненападении, нехватка в Японии «необходимых материалов» [90].

С приходом к власти в США президента Трумэна стало происходить прогрессирующее осложнение советско-американских

отношений. 15 августа 1945 г., когда в Маньчжурии еще в самом разгаре шли ожесточенные военные действия, американцы представили в Москву на согласование проект документа о капитуляции японских войск. К удивлению советской стороны в этом документе отсутствовало ранее принятное решение о возвращении России Курильских островов. Это не могло быть простой случайностью [91]. Это была умышленная закладка мины для последующих антироссийских действий (Курилы отходили в состав РСФСР). Трумэн сразу же было направлено требование немедленно исправить в документе упущение о Курильских островах: «Включить в район сдачи японских вооруженных сил советским войскам все Курильские острова, которые согласно решению трех держав в Крыму, должны перейти во владение Советского Союза» [92].

Кроме того, Сталин предложил отвести СССР район для принятия капитуляции на севере японского острова Хоккайдо. Уже 18 августа 1945 г. от Трумэна поступил ответ. Предложение Сталина с северной части японского острова Хоккайдо отклонялось, но выражалось согласие на включение всех Курильских островов в район принятия капитуляции японских войск советскими войсками [93]. Вместе с тем Трумэн выражал пожелание, чтобы СССР предоставил США «право иметь на Курилах авиационную базу» [94].

С пониманием опасностей, связанных с появлением ядерного оружия и планов бактериологической войны становится более ясной роль победы Советского Союза в войне с Японией, очевидно, кто именно спас человечество от «страшной катастрофы» [95] в XX веке и кто продолжает стоять на страже его существования и развития в XXI веке.

Совсем недавно было отмечено столетие русско-японской войны 1904 – 1905 гг. Оно отмечалось в Японии с особым значением, прежде всего в синтоистском храме адмирала Того, расположенному недалеко от императорского дворца в центре

японской столицы Токио. Японский военно-морской флот в мае 1905 г. под руководством адмирала Того одержал «историческую победу» [96] над российским военно-морским флотом, возглавлявшимся адмиралом Рожественским. Так считалось в Японии раньше, так считается и теперь.

Поклонения богу Того (у синтоистов боги – это предки) в дни столетия военно-морского сражения в Цусимском проливе были особенно эмоциональны. Эйфория от японской победы у Цусимы продолжает властвовать над умами многих японцев. Так или иначе, но они не забывают победоносную тень Цусимы и над Пёрл-Харбором, над Филиппинами, над Сингапуром в 1941 – 1942 гг. Тень Цусимы не исчезла. Она только затаилась, готовая в любой подходящий момент напомнить о себе.

За прошедшие последние полвека российско-японские отношения все время отравляются территориальным спором о Курильских островах, которые усиленно раздуваются противниками итогов второй мировой войны. В своей книге «Россия и Япония. В тупике территориального спора» всемирно известный японовед И.А. Латышев отметил: «Российская дипломатия еще с козыревских времен утратила чувство собственного достоинства и, как показала практика последнего десятилетия, стала нечувствительной к бесцеремонным посягательствам на Курилы» [97].

Естественно, что японская угроза, нависавшая так долго над Курилами и его российским населением, тревожит и беспокоит русских людей. Национальные интересы России настоятельно требуют, «от руководителей ее внешней политики, и в том числе от президента В.В. Путина, твердого и ясного отпора Японии в ее территориальных притязаниях к нашей стране» [98]. Этот вывод И.А. Латышев еще раз подтвердил в своей следующей книге «Путин и Япония. Будут ли уступки?». В послесловии этой книги автор подчеркнул: «У Президента России не должно быть сомнения в том, что только твердость, решительность и ясность позиции российского руководства в защите территориальной целостности

страны получит безоговорочное одобрение большинства российского народа. Робость, нерешительность и невнятность в подобных делах никогда и никому из государственных руководителей любой страны не приносила ни лавров, ни добрых воспоминаний потомков» [99].

Избрание в конце сентября 2006 г. нового премьер-министра Японии С. Абэ не может не вызывать озабоченности и тревоги. Он выступает как сторонник пересмотра послевоенной японской Конституции и воссоздания мощной триады японских вооруженных сил – военно-морского флота, военно-воздушных сил и сухопутных войск. Новый премьер уже высказывался за «возможность применять Японии свои вооруженные силы для решения международных споров». А в Вашингтоне, похоже, склонны отказаться от сдерживания японских амбиций в области всеобщего вооружения и паназиатских устремлений.

1. Советская историческая энциклопедия. – М.: Советская энциклопедия. Т. 5, 1964. – С. 508–509.
2. Мир русской истории / Рук. автор. кол.: Энциклопедический справочник. А.Н. Мячин. – М.: Вече, 1999. – С. 555.
3. Бенедиктов Н.А., Бенедиктова Н.Е., Базурина Е.Н. Энциклопедия русской истории. – М.: ЭКСМО – Пресс, 2001. – С. 503.
4. Уткин А.И. Русско-японская война. В начале всех бед. – М.: Эксмо, Алгоритм, 2005. – С. 8
5. Сюмпэй Окамото. Японская олигархия в русско-японской войне / Пер. с англ. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2003. – С. 106.
6. Дипломатический словарь. – М.: ОГИЗ. Т. I, 1948. – С. 154.
7. Международные отношения на Дальнем Востоке (1870 – 1945 гг.) / Под общ. ред. Е.М. Жукова. – М.: Госполитиздат, 1951. – С. 144.
8. Там же, С. 145.

9. Там же.
10. Там же, С. 148.
11. Урланис Б.Ц. История военных потерь. – СПб. – М.: Полигон АСТ, 1998. – С. 134.
12. Там же.
13. Шишов А.В. Россия и Япония. История военных конфликтов. – М.: Вече, 2001. – С. 360.
14. Международные отношения на Дальнем Востоке (1870 – 1945гг.) / Под общ. ред. Е.М. Жукова. – М.: Госполитиздат, 1951. – С. 407.
15. Там же.
16. Гражданская война и военная интервенция в СССР: Энциклопедия. – М.: Советская энциклопедия, 1983. – С. 229.
17. Там же.
18. Там же.
19. Там же, С. 230.
20. Там же.
21. Там же.
22. Там же.
23. Там же, С. 231.
24. Степанов А.С. В борьбе за мир в АТР (1917 – 1933). – М.: Прометей, 1996. – С. 230.
25. Там же, С. 231.
26. Фалин В.М. Второй фронт. – М.: Центрполиграф, 2000. – С. 39.
27. Там же, С. 44.
28. Там же, С. 45.
29. Горбунов Е.А. Схватка с черным драконом. – М.: Вече, 2002. – С. 301.
30. Там же.
31. Там же.
32. Кошkin А.А. Стратегическая проба сил / Независимое военное обозрение. – №26. – 2003. – С. 5.
33. Там же.
34. Там же.
35. Там же.
36. Там же.
37. Там же.
38. Там же.
39. Можейко И.В. Западный ветер – ясная погода. – М.: АСТ, 2001. – С. 38.
40. Там же.
41. Шишов А.В. Россия и Япония. История военных конфликтов. – М.: Вече, 2000. – С. 471.
42. Там же, С. 486.
43. Там же, С. 4592.
44. Там же.
45. Там же.
46. Там же, С. 495.
47. Там же, С. 496.
48. Там же, С. 497.
49. Советская военная энциклопедия. – М.: Воениздат. Т. 8, 1980. – С. 353.
50. Там же, С. 354.
51. Там же.
52. Кошkin А.А. Японский фронт маршала Сталина. Россия и Япония: тень Цусими длиною в век. – М.: ОЛМА – ПРЕСС 2004. – С. 95.
53. Там же, С. 96.
54. Там же.
55. Там же.
56. Там же, С. 97.
57. Там же.
58. Там же.
59. Там же, С. 109.
60. Там же.
61. Там же, С. 110.

62. Там же.
63. Там же, С. 111.
64. Можейко И.В. Западный ветер – ясная погода. – М.: АСТ, 2001. – С. 163.
65. Советская военная энциклопедия. – М.: Воениздат. Т. 8, 1980. – С. 11.
66. Кошкин А.А. Японский фронт маршала Сталина. Россия и Япония: тень Цусимы длиною в век. – М.: ОЛМА – ПРЕСС, 2004. – С. 259.
67. Маносов В.Ф. Разгром Квантунской армии Японии. – М.: Воениздат, 1985. – С. 1.
68. Там же, С. 3.
69. Там же, С. 5.
70. Там же, С. 10.
71. Там же, С. 11.
72. Там же, С. 19.
73. Карпов В.В. Гроза на Востоке (Разгром Японии). – М.: Вече, 2005. – С. 249.
74. Там же, С. 249–250.
75. Там же.
76. Там же.
77. Там же.
78. Там же, С. 252.
79. Там же.
80. Там же, С. 253.
81. Там же, С. 272.
82. Там же, С. 258.
83. Там же.
84. Залесский К.А. Кто был кто во второй мировой войне. Союзники Германии. – М.: Астрель – АСТ, 2003. – С. 229.
85. Карпов В.В. Гроза на Востоке (Разгром Японии). – М.: Вече, 2005. – С. 259.
86. Там же, С. 259–260.
87. Залесский К.П. Кто был кто во второй мировой войне. Союзники Германии. – М.: Астрель – АСТ, 2003. – С. 146.
88. Карпов В.В. Гроза на Востоке (Разгром Японии). – М.: Астрель – АСТ, 2003. – С. 271.
89. Шишов А.В. Разгром Японии и самурайская угроза. – М.: Алгоритм, Эксмо, 2005. – С. 507.
90. Там же.
91. Карпов В.В. Гроза на Востоке (Разгром Японии). – М.: Астрель – АСТ, 2003. – С. 275.
92. Там же, С. 275–276.
93. Там же, С. 276.
94. Там же.
95. Там же, С. 272–273.
96. Сахаров А. Размышления в храме Того // Родина. – 2006. – №7. – С. 54.
97. Латышев И.А. Россия и Япония.. В тупике территориального спора. – М.: Алгоритм, 2004. – С. 296.
98. Там же, С. 302.
99. Латышев И.А. Путин и Япония. Будут ли уступки? – М.: Алгоритм, 2005. – С. 414.